

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

«Все существует у нас – будто бы»

«У нас теперь господствует странная мода: мода на взаимные приветствия, комплименты, поздравления... Все друг с другом расшаркивается, раскланивается, друг перед другом приседает; пущены в ход всевозможные сравнения; люди не могли собраться вместе, чтоб поиграть в карты, поесть и попить, без какого-нибудь кому-нибудь приветственного заявления от имени кушающих, пьющих и играющих...»

Иван Сергеевич Аксаков
«Все существует у нас –
будто бы»

У нас теперь господствует странная мода: мода на взаимные приветствия, комплименты, поздравления... Все друг с другом шаркивается, раскланивается, друг перед другом приседает; пущены в ход всевозможные сравнения; люди не могли собраться вместе, чтоб поиграть в карты, поесть и попить, без какого-нибудь кому-нибудь приветственного заявления от имени кушающих, пьющих и играющих. Даже крестьяне – и те заразились тою же манией. Мы получили на днях из Камышина (Саратовской губернии) копии с адресов, поданных крестьянами трех казенных волостей – председателю Камышинского рекрутского присутствия за его «безукоризненные и справедливые действия при последнем наборе». «Тронутые сочувствием в полезных ваших распоряжениях по приему рекрут», – пишут крестьяне в одном из адресов, – «мы поставили себе в непременную обязанность поднести вам этот благодарственный адрес»... Одним словом, развилась особенная литература приветствий и особенная деятельность обедов. Только и слышишь: «общество», «наше общество», «наше просвещенное обще-

ство», «просвещенное» и «патриотическое общественное мнение!»... Общество восторженно, неистово рукоплещет, поздравляет само себя и верит, что у нас действительно есть и общество и общественное мнение, и что общественное мнение есть точно – сила!

Хотя мы не разделяем с обществом этой веры во всей ее полноте, однако же пусть обе стороны поверят не только в существование, но и в могущество общественного мнения! Это не худо... Несмотря на наш иронический приступ, мы далеки от мысли, чтобы во всем общественном оживлении и движении нынешнего лета не проявилось, рядом с многою ложью, и много правды; чтобы в оглушительном хоре фальшивых, визгливых, крикливых голосов и звуков не гудела в то же время басовая струна (может быть, даже мало замеченная самим обществом), не звучал Grundton, как говорят немцы-музыканты, – основной тон всего русского государственного и земского строя. Сказалась действительно сила, – сила великая, историческая, сила не только общественная, но сила земская, бьющая прямо из почвы: эта сила – сознание единства и це-

лости русской земли, не только как существующего факта, но как исторического призвания, – смутная, но твердая вера в великое будущее, – живое чувство чести государственной, живая неразрывная связь земли с государством, которое она не даром же строила тысячу лет, на которое потратила так много жизни, для которого принесла столько ведомых и неведомых жертв! Эта сила сказывается и встает при всякой видимой внешней опасности, грозящей самому существованию государства, при всяком оскорблении нашей чести государственной, при всякой попытке разорвать единство и целость Руси, – встает и увлекает в одном чувстве всех, от мужика-лапотника даже до аристократа, едва лепечущего по-русски (и тот – с французским языком на устах, готов положить – и точно, положит – son живот за Россию, в которой в обыкновенное время ему даже и жить противно)... Мало того, если кто, как бы ни были по-видимому велики, строги и возвышенны его запросы, не в состоянии одушевиться общим движением и сочувственно отозваться на общий клик; кто может оставаться равнодуш-

ным к пришествию врагов на русскую землю или же стать в ряды их хотя бы ради воображаемого им для России блага, тот уже до корня испорчен, не годится для русской земли, подрезал в себе русский исторический нерв, посягнул в себе, так сказать, на самую правду естества, тот для России – бесплодная евангельская смоковница, и сам себя осуждает на участь этой смоковницы! И всякий раз, когда общество совпадает в своих проявлениях с этим основным тоном русской земли, оно представляется действительно какою-то силой. Оно не само в себе сила, но во столько сила, во сколько проявляет в себе общую земскую силу. Поэтому обществу не следует обольщаться мечтами, слишком обнадеваться своею будто бы общественною крепостью, могуществом своего общественного мнения и успокаиваться, как будто все уже разрешено, завершено и покончено. Поэтому-то мы и считаем необходимым, с своей стороны, нарушать это успокоение и обличать истинное положение дел, как мы его понимаем; поэтому-то небесполезным кажется нам напоминать обществу, что везде, где оно не стоит

непосредственно на народном историческом
грунте, где не грозит России внешняя опас-
ность и нет места простому, кровному, так
сказать, грубому, как инстинкт жизни, патри-
отизму, – везде там является оно слабым, если
не безжизненным, голосит каким-то не своим
голосом, а фистулой или басит с комической
важностью. Везде там оно, к сожалению,
больше играет в «общество» и «общественное
мнение», чем действительно существует как
общество, с силою и разумом общественного
мнения. Мы очень хорошо знаем, что в этом
случае много вины должно быть отнесено к
историческим условиям нашего бытия, дав-
шим обществу такое неправильное, тощее,
однобокое развитие; но пусть же общество и
сознает себя однобоким, неполным, малосоч-
ным, а не любит себя само собою, воображая се-
бя красивым, сильным, здоровым! Пусть ра-
ботает над собою, пусть обращается само к се-
бе с строгими нравственными запросами и
укорами, пусть не отказывается, но требует
от себя общественной – и от своих членов
личной – инициативы, не на словах только, а
на деле, для добрых, всяких общепользных,

благотворных, хотя бы тяжелых, скучных и черствых трудов и предприятий...

Вообще (отстраняя вопрос о действительных, живых, исторических земских силах, благодаря которым Россия есть, живет и движется) нельзя не заметить, по отношению к нашей общественной жизни, что мы живем в какое-то особенно странное время. Все у нас будто бы есть, – а в сущности нет ничего или очень мало. Все у нас существует будто бы; ничто не кажется серьезным, настоящим, а имеет вид чего-то временного, поддельного, показного... У нас есть очень либеральные учреждения, но все эти либеральные права вносили до сих пор в общественную жизнь и просто даже в душу отдельных людей мало либерального; все исполнялось по закону, все либеральничало по форме и данному образцу, а плоды порождало, как доказывает признанная правительством необходимость преобразований, самые непригодные! Об этом уж так много было писано, что и говорить не стоит. Правительство истощалось в благородных усилиях, желая создать какую-нибудь живую деятельную силу в обществе, но вследствие

разных исторических условий – успевало создать только видимость, только подобие. И все кругом подобие: подобие муниципалитетов, на самом деле признающих свои муниципальные права за повинность, от которой муниципалы спешат уклониться; подобие просвещения, подобие науки... У нас, кажется, довольно университетов – есть даже чем похвастаться пред иностранцами, но в большей части из них не замещены кафедры русской истории, русского языка, русской словесности!